

DOI: 10.31857/S013038640009155-8

© 2020 г. А. А. Митрофанов

ФЕНОМЕН ТЕРРОРА В РЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ: РЕАЛИИ, КОЛЛЕКТИВНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ И ПАМЯТЬ

Рец. на книгу: А. De Baecque. LA RÉVOLUTION TERRORISÉE. Paris: CNRS Éditions, 2017, 239 p.

Митрофанов Андрей Александрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, старший научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия).
E-mail: paxgallica@gmail.com

А. А. Mitrofanov

THE PHENOMENON OF TERROR IN REVOLUTIONARY FRANCE: REALITIES, COLLECTIVE IMAGINATION, AND MEMORY

Rec. ad op.: A. De Baecque. LA RÉVOLUTION TERRORISÉE. Paris: CNRS Éditions, 2017, 239 p.

Andrey Mitrofanov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; State Academic University of Humanities (Moscow, Russia).
E-mail: paxgallica@gmail.com

В современной историографии Французской революции особое место занимают труды, посвященные феномену революционного террора. Именно эта тема положена в основу новой работы известного французского историка, литературного и театрального критика Антуана де Бэка «Революция, устрешенная террором» (Париж, 2017). Главный вопрос, который интересует автора, «как Революция оказалась охвачена страхом и во что превратила этот страх, обращая его, в свою очередь, против своих врагов?»

Появление этого исследования было бы невозможно без ревизии научным сообществом интерпретаций террора, начало которой автор относит к 1992 г. За почти три десятилетия сложились четыре направления исследований: первое из них изучает политическую механику политики Террора, второе видит в нем сцену политического театра, на которой разворачивается драма, третье — совокупность эстетических чувств, четвертое — отражение личности М. Робеспьера (с. 87). Все эти течения обозначили прощание с версиями и мифами, изобретенными в период Термидора и переход к новому прочтению центрального эпизода Революции. Историки в желании постичь коллективное воображение и реалии заново

перечитали источники, а также литературные тексты и взглянули на произведения искусства. Так, Л. Хант продемонстрировала слияние политики и культуры и предложила концепцию Террора как «спектакля» на воображаемой сцене. «Механике» Террора посвящены работы П. Серна, показавшего, что в институциях эпохи даже на пике репрессий присутствовал плюрализм мнений, а К. М. Бэйкер увидел в них не отклонение, а настоящую «лабораторию современной политики» и даже всеобщий политический сценарий (с. 94–95). Развернутую критическую картину феномена террора и его истоков предложил П. Гениффе¹, отказавшись от точки зрения господства трибунала, подвластного единственному тирану, спасшему родину ценой ужасных жертв, в пользу периода игры факций и альянсов, возможного только благодаря искусственному и лживому дискурсу революционеров, не имевшему отношения к их реальным действиям.

Особенности и крайние проявления политики Террора в региональном измерении позволяют, по мнению де Бэка, сделать вывод о дух

¹ Гениффе П. Политика революционного террора 1789–1794. М., 2003.

различных моделях Террора 1793–1794 гг.: институционализированном столичном и провинциальном, зависевшем от местных конфликтов, степени принятия парижского диктата, действий армии и уровня жесткости представителей в миссиях. Провинциальная история делает возможным изучение автономных практик региональных элит, их взаимоотношений с Парижем, как это показано в монографии А. Форреста (с. 95)². Но в современной науке (как и в политике) так и не сложилось консенсуса о роли Робеспьера. Героизация его фигуры слева и поток обвинений в его адрес справа спровоцировали новый интерес к этой фигуре через новое прочтение источников. По мнению де Бэка, актуализированный и сбалансированный портрет политика сложился в работе Левра³, раскрывающего секреты его популярности и личной стратегии, позволившей ему довольно долго управлять из условного центра, где он находился, лавируя между фракциями (с. 103). Ж.-К. Мартэн в своей работе преследовал цель показать искусственный процесс создания из Робеспьера «чудовища», но на фоне политической элиты, среди которой он был не более чем ловким мастером политической игры, своим красноречием управлявший эмоциями людей, якобы следуя народным чаяниям⁴. Сосредоточившись на анализе французской и англосаксонской историографии, де Бэк, однако, не уделяет внимания переменам в научной литературе на других языках.

Де Бэк с самого начала определяет место своего труда как бы вне существующих трех историографических течений о терроре: для противников Революции он остается загадкой внезапного возвращения к варварству, для якобинцев и республиканцев — это неподобающий прилив гордости, а для критического направления он остается необъяснимым отклонением или «заносом» (*dérapage*). В ответе на вопрос: о причинах появления и обусловленности политики Террора на протяжении двух веков историки группируются вокруг двух вариантов ответов. Для одной группы Террор — результат исключительных обстоятельств, для другой — это законное дитя философии Просвещения, неотъемлемая часть революционной идеологии и неотъемлемый ее этап. По мнению де Бэка, настало время актуализировать и переосмыслить феномен террора и объяснить его с помощью других терминов и образов (с. 10), иначе говоря, «погрузиться во чрево охваченной ужасом Революции, значит вернуться, по формулировке Элэна Корбена, к “истории пароксизма и

ужаса”» (с. 12). Ключевым моментом в данном сочинении де Бэка являются репрезентации тела и телесного, как в революционном дискурсе, так и в конкретных практиках, что является логическим продолжением его предыдущих многочисленных работ⁵.

Книга де Бэка состоит из трех глав: «Символическое насилие», «Физическое насилие» и «Насилие на сцене». Именно насилие служит объединяющим стержнем революционного сознания, полагает автор книги. И практически все репрезентации коллективного тела нации этой эпохи, от торжественных аллегорий республики до язвительных карикатур на Робеспьера, также используют мотив устрашения и жесткого уничтожения врагов.

Символический переход от монархических к республиканским традициям, которому де Бэк посвящает главу книги, происходил прежде всего в стенах самого Национального Собрания, где с мая 1789 по сентябрь 1791 г. наблюдалась эволюция протокола проведения заседаний, хотя и поддерживалось «церемониальное равновесие». В центре ожесточенной борьбы депутатов, монархистов и сторонников республики оказался вопрос, как законодательная власть должна вести себя в присутствии короля, как относиться к церемониям, восходящим еще к Ложе правосудия Старого порядка. В ходе медленных и осторожных изменений в 1789–1790-х годах, а затем быстрых и жестких перемен 1791 г. прежний «ритуал» заседаний был уничтожен, а символическое присутствие короля стало использоваться как демонстрация абсолютного суверенитета нации, воплощенного в собрании законодателей, его доминирование над фигурой короля как простого главы исполнительной власти. Инверсия ритуала обозначала важный рубеж. Окончание этой эволюции де Бэк относит ко дню принятия конституции — 14 сентября 1791 г., ставшим днем публичного унижения фигуры монарха. Протокольная эволюция и дебаты депутатов о ней происходили в 1791 г. в обстановке своеобразной «шизофрени», когда большинство правой и левой частей Собрания (исключение составляла группа фельянов) поступало в целом идентично, хотя и с разной мотивацией, и попытка бегства королевской семьи в Варенн, хотя и ускорила ее завершение, но вовсе не была решающим фактором. Таким образом, как показывает автор, еще за год до первых допросов бывшего короля в Национальном Конвенте (сентябрь 1792 г.) его роскошный трон превратился в обычное кресло, символическая борьба против монархических ритуалов

² Forrest A. *The Revolution in Provincial France*. Aquitaine, 1789–1799. Oxford, 1996.

³ Leuwers H. *Robespierre*. Paris, 2014.

⁴ Martin J.-C. *Robespierre, la fabrication d'un monstre*. Paris, 2016.

⁵ См.: *De Baecque A. Le corps de l'Histoire: métaphores et politique (1770–1800)*. Paris, 1993; *edem. La Gloire et l'Effroi: sept morts sous la Terreur*. Paris, 1997; *edem. Pour ou contre la Révolution française (sous la dir.)*. Paris, 2002.

окончилась полной победой республиканских церемоний (с. 55). Символическая «кончина» монархического суверенитета и представлений о сакральном теле его носителя привела через несколько месяцев к падению самого института и кровавым событиям сентября 1792 г., в контексте которых де Бэк анализирует феномен насилия, производимого активистами из числа народных низов.

Анализ истоков политики Террора трудно представить без обращения к истории сентябрьских убийств. Де Бэк описывает этот трагический эпизод Революции сквозь наиболее мрачное и запомнившееся из всех зверств — убийство принцессы Ламбаль, которое он вписывает в контекст коллективной ментальности. Автор интерпретирует все версии гибели принцессы, расставляя акценты на политических убеждениях очевидцев, что позволяет ему показать рефлексивный механизм убийц. Этот зловещий акт, по мнению де Бэка, воспринимался как производное не индивидуального, а коллективного насилия, а коллектив осмыслился как вершитель судьбы нации, во имя блага которой позволено совершить убийство и тотчас предать забвению ужасные детали. В основе народной ненависти к принцессе, этой «Сафо из Трианона», лежала другая ненависть — к самой Марии-Антуанетте, которая старательно разжигалась памфлетистами на протяжении целого полутора десятка лет. Стереотип безвольного и слабого короля, забросившего жену, тоже тесно связан с легендой о воображаемом «лесбийском заговоре куртизанок» вокруг королевы и ее предполагаемой любовницы. Этот «заговор» скрывал латентный страх того, что политическая власть ускользнет из рук мужчин, подчеркивает автор. Особый порнографический дискурс живо подогревал и без того перегретое народное воображение: «Королева через свою раскрываемую бисексуальность лучше всего олицетворяла этот страх. За этот страх сентябрьских убийц и пришлось расплатиться телом принцессы Ламбаль», заключает де Бэк (с. 138).

Один из аспектов институализированного Террора де Бэк анализирует через «медико-политические» дискуссии эпохи Термидора и Директории о мнимой безболезненности орудия казни. При виде гильотины современники испытывали подлинный ужас, автор демонстрирует, как, по сути, псевдомедицинские дискуссии об этом орудии казни скрывали под собой острый спор о невинных жертвах Революции, о самом Терроре и наказании его приверженцев. Термидорианцы утверждали, что голова гильотинированного человека переживает невыносимые страдания и сохраняет сознание сравнительно долго. Несмотря на убедительные доводы о мучениях людей, казненных таким способом, врачи левых взглядов упорно

настаивали на гуманности этой казни, но для того, чтобы «вписать в историю республики этот инструмент почти на два века», им пришлось предпринять контратаку. Политический аспект этого диспута был, по мнению автора, важнее медицинского, так как политическое насилие со стороны государства стало препятствием: «юная республика не могла осуществить возврат к порядку, не могла обеспечить примирение, так как она официально причиняла смерть в тяжелейших мучениях» (с. 155). В конечном итоге, важна была и амбивалентность самой гильотины, которая, потеряв ореол «гуманизма», оказалась «опорочена режимом тирана». Но благодаря казням 10 термидора и последующим экзекуциям над «террористами» (Каррье, Лебонома и др.) она становится инструментом возврата к спокойствию, благодаря чему был осуществлен выход из политики Террора.

Обращается автор и к самой известной политической «дуэли» в историографии Революции — вражде Дантона и Робеспьера. Этот эпизод, как полагает де Бэк, слишком переполнен стереотипами в науке и культуре, от кино до поэзии. В создании этой легенды повинны термидорианцы, которые связали между собой эти две судьбы, постоянно проводя надуманные параллели в своем желании ответить на вопрос: почему именно Робеспьер возглавил республику? Эта «дуэль» позволяла им интерпретировать Революцию как победу одной из двух концепций: демократии над диктатурой (дантоновская версия) или добродетели над пороком (робеспьеристская версия). Вместе с тем, для наблюдателей это не открытая борьба двух вождей (де Бэк полагает, что Робеспьер боялся публичного столкновения с Дантоном и избегал его), а борьба двух начал: трагической тирании с отпечатком смерти с могущественным жизненным началом. Агония и смерть Робеспьера в имагологии Революции — это исчезновение «политического трупа, фантома и чудовища» из воображаемого республиканского тела, пробуждение нации от страшного сна естественным образом связано с «чувством уважения к Дантону, некогда изгонявшему по мере своих сил навязчивый призрак Неподкупного» (с. 167, 172). Высокое внимание к Дантону, его роли и его опыту во власти, полагает де Бэк, еще обусловлено и самим политическим развитием парламентской системы Франции XIX в., где политики-оппортунисты сочетали принципы национализма, финансовые махинации и патерналистские нравы.

В эпоху Террора культура смеха и веселья относилась к пережиткам времен монархии и всеми силами изгонялась властью из общественного пространства, так как истинный республиканец должен быть серьезен и добродетелен (с. 176). После свержения диктатуры монтаньяров наступает период расцвета культуры смеха во

всех сферах, прежде всего в прессе и на театральной сцене. Насмешка и веселье термидорианцев — это смех политического триумфа, неотъемлемой частью которого были карнавальные процессии в честь освобожденных узников тюрьм, память о жертвах сменяется чувством реальных героев. Но это веселье длилось недолго, чем время хрупкого и эфемерного политического равновесия (с. 181). Изменение риторики, которая теперь строилась вокруг борьбы с якобинцами и мести за Террор, лучше всего, по мнению де Бэка, заметно в творчестве талантливого журналиста и писателя А. Мартэнвиля, настоящего «рыцаря смеха», ставшего признанным идейным вдохновителем мюскаденов — «золотой молодежи» Парижа. К этому моменту относит автор и рождение принципиально нового типа героя: антиякобинец, предводитель мюскаденов, мастер насмешки, жертва цензуры и полиции и частый посетитель театров. Тексты Мартэнвиля — это реванш политического языка, вдохновленного чувством мести. Как прежде силой воображения создавался фантастический «аристократический заговор», так теперь, но уже в жанре пародии и гротеска, конструировалась фантастическая группа «якобинцев», виновных в кровавой бойне и подвергавшихся теперь сатирической диффамации.

Автор анализирует, каким образом карнавализованный протест в 1794–1795 гг. соединяется с политической культурой, географией политических конфликтов в Париже, как борьба с символами политики Террора и якобинским дискурсом связана с особым видом новой социальности — «алкоголизированной, жестокой и скандальной». Возрождение карнавальных шествий с чучелами политических врагов, как показывает де Бэк, явное переосмысление революционных ценностей, за ними закономерно последовали «иконокластический кризис» и вандализм на театральных сценах, а символическим окончанием этой борьбы в обществе становится депантеонизация Ж.-П. Марата.

Спорным представляется тезис автора о рождении движения мюскаденов именно после Термидора, поскольку его истоки, по-видимому, имеют провинциальный, а не столичный характер и относятся к 1792 г., как отмечено, например, еще в классической работе Ф. Жандрона⁶. В рамках этой книги де Бэку удастся едва ли наметить некие контуры, провести первичный (хотя и оригинальный) анализ политического поведения «золотой молодежи», ее дискурсивных практик, но не ответить на вопросы о конкретной роли различных лидеров этого движения, например Л. С. Фрерона, о широте распространения движения политических активистов

в стране и о причинах его конца. Немаловажно и то, что, проанализировав зверскую расправу над Ламбаль, автор не обращается к прочим аналогичным примерам сентября, а вареннский эпизод с его ближайшими последствиями освещает весьма скромно.

Остается отметить, как нам представляется, еще два важных момента: во-первых, за рамками этого интересного исследования остаются различные вопросы, например такие, как феномен «белого террора» (1795 г.), рецепция политики Террора при Директории⁷ (1797 г.) и в целом весь период между 1795 г. и брюмерским переворотом; во-вторых, как показывают последние десятилетия, исследования истории отдельных регионов⁸ демонстрируют множественные флюктуации, как революционного дискурса, так и политических практик. Возможно, такой сравнительный анализ в соотношении «столица — провинции» не только расширил бы книгу де Бэка, но и показал бы реакцию многомиллионной страны на главные события, происходившие в Париже.

Часть поставленных А. де Бэком вопросов из истории Революции сами по себе не являются новыми, поскольку о процессе перехода символической власти от короля к национальному представительству, о принятии конституции 1791 г., о сентябрьских убийствах, противостоянии монтаньяров и дантонистов, о политических конфликтах периода Термидора за два столетия создано немало работ. Но А. де Бэк использует свойственную только ему методику, вскрывая пласты коллективного воображаемого и проникая в самую суть революционного дискурса, что позволяет ему предложить новые ответы как на старые, так и на новые вопросы.

Библиография

- Генишфе П.* Политика революционного террора 1789–1794. М., 2003.
- Brown H. G.* Mythes et massacres: reconsidérer la «terreur directoriale». — *Annales historiques de la Révolution française*, № 325, 2001, p. 23–52.
- De Baecque A.* La Gloire et l'Effroi: sept morts sous la Terreur. Paris, 1997.
- De Baecque A.* Le corps de l'Histoire: métaphores et politique (1770–1800). Paris, 1993.
- De Baecque A.* Pour ou contre la Révolution française (sous la dir.). Paris, 2002.
- De Mathan A.* Mémoires de la Terreur: l'an II a Bordeaux. Pessac, 2002.

⁷ *Brown H. G.* Mythes et massacres : reconsidérer la «terreur directoriale». — *Annales historiques de la Révolution française*, № 325, 2001, p. 23–52.

⁸ *Nicolas J.* La Révolution française dans les Alpes. Dauphiné et Savoie. Toulouse, 1989; *Guilhaumou J.* Marseille républicaine (1791–1793). Paris, 1992; *De Mathan A.* Mémoires de la Terreur: l'an II a Bordeaux. Pessac, 2002; *Sottocasa V.* Mémoires affrontés. Protestants et catholiques face à la Révolution dans les montagnes du Languedoc. Rennes, 2004.

⁶ *Gendron F.* La jeunesse dorée: Épisodes de la Révolution française. Quebec, 1979.

Sottocasa V. Mémoires affrontées, Protestants et catholiques face à la Révolution dans les montagnes du Languedoc. Rennes, 2004.

Gendron F. La jeunesse dorée Épisodes de la Révolution française. Quebec, 1979.

Forrest A. The Revolution in Provincial France. Aquitaine, 1789–1799. Oxford, 1996.

Guilhaumou J. Marseille républicaine (1791–1793). Paris, 1992.

Leuwers H. Robespierre. Paris, 2014.

Martin J.-C. Robespierre, la fabrication d'un monstre. Paris, 2016.

Nicolas J. La Révolution française dans les Alpes. Dauphiné et Savoie. Toulouse, 1989.

References

Geniffe P. Politika Revoliutsionnogo terora 1789–1794 [The Politics of Revolutionary Terror 1789–1794]. Moscow, 2003. (In Russ.)

Brown H. G. Mythes et Massacres: Reconsidérer la «Terreur Directoriale». – Annales Historiques de la Révolution française, № 325, 2001, p. 23–52.

De Baecque A. La Gloire et l'Effroi: sept morts sous la Terreur. Paris, 1997.

De Baecque A. Le corps de l'Histoire: métaphores et politique (1770–1800). Paris, 1993.

De Baecque A. Pour ou contre la Révolution française (sous la dir.). Paris, 2002.

De Mathan A. Mémoires de la Terreur: l'an II à Bordeaux. Pessac, 2002.

Sottocasa V. Mémoires affrontées, Protestants et catholiques face à la Révolution dans les montagnes du Languedoc. Rennes, 2004.

Gendron F. La jeunesse dorée Épisodes de la Révolution française. Quebec, 1979.

Forrest A. The Revolution in Provincial France. Aquitaine, 1789–1799. Oxford, 1996.

Guilhaumou J. Marseille républicaine (1791–1793). Paris, 1992.

Leuwers H. Robespierre. Paris, 2014.

Martin J.-C. Robespierre, la fabrication d'un monstre. Paris, 2016.

Nicolas J. La Révolution française dans les Alpes. Dauphiné et Savoie. Toulouse, 1989.

DOI: 10.31857/S013038640008672-7

© 2020 г. А. Г. Матвеева

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДСКИХ ОБЛАСТЕЙ С ДРЕВНОСТИ ДО 1830 года

Рец. на книгу: НИДЕРЛАНДСКИЕ ОБЛАСТИ ОТ БАТАВОВ И БЕЛГОВ ДО БЕЛЬГИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1830 г. Учебное пособие. М.: ООО «Интеграция: образование и наука», 2018, 252 с.

Матвеева Анна Геннадьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).
E-mail: annagmatveeva@yandex.ru

A. G. Matveeva

HISTORY OF THE DUTCH REGIONS FROM ANTIQUITY TO 1830

Rec. ad op.: DUTCH REGIONS FROM THE BATAVI AND BELGAE TO THE BELGIAN REVOLUTION OF 1830. Textbook. Moscow: Integration: Education and Science LLC, 2018, 252 p.

Anna Matveeva, the Institute of World History of the Russian Academy of Science (Moscow, Russia).
E-mail: annagmatveeva@yandex.ru

Сотрудниками Института всеобщей истории РАН — докторами исторических наук Г. А. Шатохиной-Мордвинцевой (отв. редактор) и А. С. Намазовой, кандидатами исторических наук А. А. Майзлиш и А. О. Хорошевой — впервые в отечественной учебной литературе была предпринята попытка дать в форме Инновационного

учебно-методического комплекса систематическое изложение истории всех нидерландских областей с древности до 1830 г. Работа была выполнена в рамках проекта «Инновационный учебно-методический комплекс “История”» (координатор проекта — Д. В. Фомин-Нилов, секретарь — Б. В. Яблоков).